

УДК 316.36

DOI 10.23683/2227-8656.2019.2.15

**СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ
КАК УГРОЗА
СТАБИЛЬНОСТИ
РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ**

**FAMILY CONFLICTS
AS A THREAT TO
THE STABILITY
OF RUSSIAN FAMILY**

Борцов Юрий Сергеевич

Доктор социологических наук, профессор
кафедры региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: ybortsov@mail.ru

Uriy S. Bortsov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: ybortsov@mail.ru

В статье осуществляется анализ социологической предметности семейных конфликтов, дается определение этому понятию, а также рассматриваются их видовые особенности в зависимости от того, как они проявляются на групповом или институциональном уровнях. Кроме того, особенности протекания семейных конфликтов изучаются также с точки зрения того, какие социальные акторы, образующие пространство семейной коммуникации, в них участвуют. Автор делает акцент на том, что рост семейных конфликтов на современном этапе преимущественно связан с общим системным кризисом российского института семьи. Этот кризис ведет к раз-

The article analyzes the sociological significance of family conflicts, defines this concept, and considers their specific features depending on how they are manifested at the group or institutional levels. In addition, the peculiarities of family conflicts are also studied in terms of which social actors that form the space of family communication participate in them. The author emphasizes that the growth of family conflicts at the present stage is mainly associated with the General systemic crisis of the Russian institution of family. This crisis leads to the destruction of the usual socio-cultural matrix that sets the standards of social interaction, which in turn leads to the destruction of stable and understanda-

рушению привычной социокультурной матрицы, задающей стандарты социального взаимодействия, что, в свою очередь, приводит к разрушению устойчивых и понятных условий для социального взаимодействия. Итогом становится возрастание угрозы для стабильности российской семьи.

Ключевые слова: семья; социокультурная матрица; стабильность; семейные конфликты; родители; дети; супруги.

ble conditions for social interaction. The result is an increasing threat to the stability of the Russian family.

Keywords: family; socio-cultural matrix; stability; family conflicts; parents; children; spouses.

Введение

Стабильность современной российской семьи находится в зависимости от множества факторов. На нее оказывают давление размывание гендерных ролей, индивидуализация сознания, неблагоприятная экономическая ситуация, нерешенность жилищного вопроса, ослабление интенсивности коммуникации на уровне групповых процессов и т. п. В принципе, список можно продолжить, дополнив его стандартными представлениями социологов о том, что лежит в основе кризиса современной семьи и всего российского социума. Всё это будет правильным, если ставить перед собой цель перевести проблему в сферу выявления причинного комплекса. Семья, в самом деле, не может быть свободной от общества, от задаваемых им социальных рамок, которые определяют правила игры в процессе взаимодействия между членами семьи. Семья является частью общего процесса коммуникации социальных акторов, помещенных в социокультурную матрицу социумов, расположенных на разных уровнях социального пространства. И дефекты внутри этой матрицы неизбежно будут переноситься на все социальные институты и реальные модели группового взаимодействия, касаясь в том числе семьи. Однако мы будем решать задачи иного порядка. Семейные конфликты будут рассматриваться нами в качестве внешней формы выражения того кризиса, который проявляется на уровне и понимания семьи как малой группы, и оценки семьи как социального института.

Семейный конфликт: основные подходы в определении понятия

Итак, определимся вначале с тем, что мы будем считать семейными конфликтами. Иными словами, установим предметные рамки собственного исследования. Это особенно важно в контексте того, что данная проблематика рассматривается и другими науками: социальной педагогией и психологией. Социальные педагоги большей частью яв-

ляются социальными работниками. Здесь семейные конфликты изучаются комплексно, но с акцентом на технологических аспектах их преодоления в процессе социальной работы с определенными группами семей. Психологи изучают семейные конфликты с позиции тех индивидуальных особенностей, которыми обладают заказчики, обратившиеся за помощью к психологу-консультанту. Такой подход на уровне научной рефлексии обуславливает формализацию изучения семейных конфликтов, так как в качестве конечной цели направлен на конструирование определенных моделей конфликтного поведения, из которых практикующий психолог выбирает наиболее подходящие для конкретного клиента, обратившегося к нему за помощью.

У социологии есть своя собственная предметность проблемы. Она связана с выявлением того, как конкретные социальные процессы воздействуют на возникновение и характер протекания семейных конфликтов. С точки зрения социологии семейный конфликт можно определить как противоречия между участниками семейных отношений, обусловленные разностью понимания семейных прав и обязанностей, ролевых моделей, нарушением социальных норм, несовпадением ценностей и т. п. Центральными в таком понимании являются два аспекта. Во-первых, социолог при анализе семейных конфликтов выделяет различные группы акторов, имеющих между собой некие противоречия. Это могут быть супруг и супруга, родители и дети, родители родителей (бабушки и дедушки) и их взрослые дети (либо внуки). Во-вторых, данные противоречия должны обуславливаться не индивидуальными особенностями социальных акторов, а определенными социальными отношениями, участниками которых они являются в силу принадлежности к конкретной семейной группе. Таким образом, в социологии семейные конфликты всегда имеют социальную природу, по сути своей выражаясь (хотя и не зеркально) через противоречия внутри социокультурной матрицы, определяющей особенности социального института семьи (Борцова, 2010).

Особенности возникновения и характер протекания семейных конфликтов

Далее мы рассмотрим социальные особенности возникновения и характер протекания конфликтов между супругами, а также родителями и детьми, поскольку считаем конфликты между этими разновидностями социальных акторов наиболее значимыми для российского института семьи.

Область семейной коммуникации, затронутая семейными конфликтами, крайне разнообразна. Пожалуй, можно сказать, что конфликты пронизывают все семейные отношения, проникая потенциально в каждую семейную интеракцию. Не теряя социологической предметности, можно выделить несколько наиболее важных: трудовые отношения супругов, воспитание детей, распределение домашних обязанностей, проведение досуга, бюджет хозяйственных трат. Эти сферы приведены не по релевантности, а в случайном порядке, поскольку для выстраивания иерархии необходимы прочные критерии, которые определить крайне сложно.

Трудовые отношения супругов являются областью при формальной оценке, экзогенной для семьи. Они, как правило, протекают за пределами семейной коммуникации, так как профессиональная деятельность супругов редко бывает взаимосвязанной. Однако характер их трудовой деятельности выступает фактором, оказывающим большое воздействие на формирование семейного микроклимата, в том числе в плане его существенного ухудшения. Отправным моментом здесь следует считать разрушение гендерных стереотипов профессиональной занятости, определявших на протяжении многих столетий патриархальные ценности и связанные с ними две базовые ролевые модели: для мужчины – добытчика, а для женщины – хранительницы домашнего очага. Разрушение данных патриархальных представлений привело к возникновению ситуации неопределенности, когда мужчина сначала утратил статус единоличного добытчика, а в последние десятилетия и вовсе демонстрирует готовность к принятию эгалитарных отношений, направленных на функциональную взаимозаменяемость, прежде всего в области материального обеспечения потребностей семьи (Ковалев, 2015). Разрушение патриархальной императивности объективно привело к возникновению многочисленных практик решения вопросов о том, кто, как, в какой мере, с какой степенью интенсивности и т. п. является ответственным за обеспечение семьи экономическим базисом. Решение указанных вопросов из институциональной сферы переходит в область взаимодействий на уровне малой группы, когда из нескольких слаботипизированных практик супруги вынуждены выбирать ту, которая им наиболее подходит. По сути, речь идет о том, кто должен принимать на себя сферу ответственности за интеракции за пределами семьи, а кто, соответственно, внутри семьи. Критерием мог бы послужить количественный вклад (большой, чем у другого супруга, доход), но с таким критерием в реальной практике далеко не всегда соглашаются, так как в большинстве семейных пар

нет большого разрыва между доходами супругов. В данной ситуации конфликты порождаются стремлением женщин вовлекать мужчин в реализацию как можно большего числа семейных функций и в максимально большом объеме, что находит противодействие со стороны мужчин, по-прежнему подразделяющих области семейного участия на традиционно мужские и традиционно женские, руководствуясь в таком разделении старыми стереотипами о приоритетах трудовых функций. В ситуации, когда ценности не удается согласовать, гендерные стереотипы начинают разрушительно действовать на семейную коммуникацию и происходят ролевые конфликты, нарушающие стабильность семьи в групповом и в институциональном измерениях.

Конфликты данного типа постепенно утрачивают свою глобальную остроту, так как имеет место выработка новых ролевых моделей, формирующихся за пределами традиционных ценностей, определяющих стереотипные императивы мужского и женского поведения. Куда больший удельный вес занимают конфликты, порождаемые противоречиями между супругами относительно воспитания детей. В связи с тем, что в современном российском обществе резко понизилось значение неформального механизма социального контроля, основным агентом социализации детей становится семья (Борцов, 2016). Это возлагает на нее особую ответственность, что проявляется в актуализации роли родителей по включению детей в социокультурное пространство. Сама система воспитания из простой («делай как все», «думай как все», «живи как все») становится предельно сложной. Усложнение связано с распадом традиционного общества и стремительным транзитом из общества модернити в информационное постмодернистское общество, где происходит трансформация привычного в непривычное, простого в сложное, определенного в неопределенное. Имитация как один из наиболее действенных в прошлом механизмов социализации сейчас уже не столь эффективна, так как социализация должна выстраиваться на началах управленческого процесса, осуществляемого целенаправленно и системно (Волков, 2016). Соответственно этому психологи и педагоги предлагают родителям самые разнообразные образовательно-воспитательные технологии. Их выбор и становится предметом конфликта для современных родителей. Прежде всего, противоречия образуются на линии, где пересекаются принципы традиционного и инновационного воспитания. Первое, как правило, поддерживается мужчинами, а второе – женщинами, которые значительно чаще стараются делать выбор в пользу модных новинок, причем не только в плане одежды, но также и принципов воспитания детей. И

даже если оба родителя принадлежат к когорте прогрессивных воспитателей, это не снимает потенциала напряженности, так как вероятность выбора одинаковой стратегии при воспитании детей очень высока только в том случае, если один из супругов занимает по отношению к другому явно выраженную доминантную позицию и подчиняет себе его волю. Но в данном случае конфликт просто переходит в латентную стадию, проявляясь в иных сферах семейной коммуникации (Верещагина, 2016).

Особенности протекания и качественное своеобразие конфликтов зависят не только от институциональной и групповой социокультурной матрицы, но и от возраста детей. Их возникновение обуславливается появлением новых задач перед родителями, к которым они оказываются неподготовленными. Хрестоматийным уже стал пример конфликтов между родителями и их детьми в подростковом возрасте, характеризующемся наиболее высоким накалом напряженности. Но и на более ранних стадиях развития детей во взаимоотношениях между супругами возникают свои сложности. Они появляются сразу после рождения ребенка, в течение первых месяцев. Этот период некоторые специалисты называют «крытым разводом», так как центр внимания женщины смещается с мужа на ребенка, отчего у него возникает ощущение, что его бросили и покинули. Мужья начинают безмотивно задерживаться на работе, объяснять продолжительное отсутствие дома повышенной трудовой занятостью и т. п. Следствием этого становятся скандалы и взаимные упреки, что ставит семью в предразводную ситуацию. Неслучайно наиболее высокий пик разводов приходится на конец первого года жизни молодой семьи. На иных жизненных циклах семьи имеются свои трудности во взаимоотношениях между родителями и детьми, что неизбежно повышает градус напряжения между супругами, особенно если в их родительских практиках не имеется принципиального согласия (Волков, 2016).

Конфликты, вызванные отсутствием согласия относительно распределения домашних обязанностей, представляют собой одну из наиболее уязвимых и болезненных сфер семейной коммуникации. Тема эта учеными изучена очень хорошо. Руководствуясь имеющимися разработками, можно сказать, что основной источник конфликтной напряженности имеет социокультурную природу. Несколько утрируя сложившуюся ситуацию, следует заметить, что женские и мужские коммуникативные векторы располагаются в разных социокультурных матрицах. В то же время женщины стремятся сделать эти матрицы одинаковыми с поправкой на объективную неготовность определенной

части мужчин к эгалитарным практикам в семейной коммуникации, а мужчины убеждены, что единства или хотя бы тождества не может быть принципиально, поскольку этому препятствует сложившийся гендерный порядок. На самом деле и стереотипы, и ценности, и ролевые модели, а в экзогенных семьях – традиции по многим позициям имеют противоположные гендерные векторы (настоящий мужчина не моет посуду, не делает уборку, не готовит, не гладит, не стирает и т. п.). Среди мужчин обнаруживаются социальные установки на то, что на эгалитарные (равноправные, взаимозаменяемые) отношения идут лишь подкаблучники, слабые, инфантильные, экономически зависимые. Само собой разумеется, что подобного рода позиция среди большого количества женщин не находит ни понимания, ни принятия, выступая мощным фактором, способствующим нагнетанию напряженности среди супругов. Здесь мы обнаруживаем проблемы институционального порядка, т. е. отсутствие устойчивых практик согласия между большими группами социальных акторов относительно нормативных моделей поведения (Борцов, 2015).

Ещё одной важной сферой семейной жизни, порождающей комплекс проблемных противоречий, в наши дни становится досуг. Необходимо сразу отметить, что проведение организованного отдыха на современном этапе семейной жизни приобрело совершенно особенное значение, которого ещё несколько десятилетий назад не было. Этому способствуют и интенсификация современной жизни, требующая более качественных форм рекреации, и общее повышение жизненного уровня населения, готового на развлечения и отдых тратить намного большее количество средств, чем в сравнительно недавнее время. Досуг стал разнообразен. Проведение свободного от профессиональной работы и семейных обязанностей времени может осуществляться в самых разных формах и видах: дорогостоящем и бюджетном, пассивном и активном, по месту жительства или выездном, на футбольном стадионе или в кинотеатре, во время шопинга или дома на диване и т. д. и т. п. Вариаций настолько много, что вопрос выбора досуговых форм способен стать реальной угрозой для стабильности семейных отношений. Некоторые проблемы могут преломляться через индивидуальные особенности конкретных семейных групп, но немалое их количество можно типизировать на основе социокультурных различий с выходом на проблематику гендерной коммуникации. Основными добытчиками в семьях, как и прежде, преимущественно выступают мужчины, но инициатива в проведении тех или иных досуговых мероприятий, как правило, принадлежит женщинам. В этом нам видится один из источ-

ников семейных конфликтов, проистекающих из одного места, но в разных направлениях: несовпадение целей, несогласование бюджетных возможностей, разногласия по месту проведения и др. Здесь возможен кумулятивный эффект в продуцировании взаимного недовольства и противоречий как со стороны мужчины, так и с позиции женщины. Детали проявления конфликта зависят от индивидуальных особенностей социальных акторов (Горшков, 2016).

Многочисленные семейные конфликты также продуцируются проблемами согласования бюджета хозяйственных трат, в числе которых проведение досуга является лишь одним из пунктов. Разрушение традиционной семьи привело к появлению многочисленного количества бюджетных моделей. Первой из них, пришедшей на смену традиционной и во многих отношениях ей созвучной стала такая система согласования доходов и расходов, в которой мужчина был основным источником доходов, а женщина – хозяйкой (хранительница домашнего очага), основным инициатором расходов (Голобородько, 2015). Она утвердилась в городах индустриального общества, будучи монополярной моделью, включительно до советских времен. Но в последние два десятилетия она утратила свою монополию. Сейчас с ней конкурируют другие бюджетные модели. Так, всё шире распространяется модель двойного бюджета, при которой супруг и супруга учитывают доходы и расходы независимо друг от друга. Разновидностью этой схемы является модель бюджета, где одни расходы обеспечиваются доходами мужа, а другие – доходами жены. Ее можно назвать конвенциональной. Поскольку сейчас утверждается тенденция по выравниванию оплаты труда женщин и мужчин, перспективной становится так называемая паритетная модель бюджета, основанная на полном равенстве брачных партнеров. Наконец, не самой распространенной, но и не малозначительной является модель, отражающая изменение места женщине на рынке труда, в ней основным источником доходов и главным инициатором расходов выступает женщина (Верещагина, 2018).

Столь значительная вариативность представленных бюджетных моделей может считаться важнейшим фактором напряжения между супругами в силу того, что сознание мужчин не готово воспринимать женщин в качестве своих конкурентов в традиционных мужских ролях, в частности добытчика, реализующего функцию обеспечения материального благополучия. Поэтому столь существенное разнообразие и порождает комплекс конфликтных противоречий при согласовании бюджета хозяйственных трат. Мир мужчины остается значительно

проще, чем мир женщины, так как он не является столь адаптивным к происходящим социальным трансформациям.

Заключение

Подведем итог. Мужская социокультурная матрица, в отличие от женской, не претерпела значительных изменений по сравнению с традиционным или индустриальным обществами. Эта гетерохронность в развитии привела к многочисленным кризисным процессам в современном институте российской семьи, одним из проявлений которого выступает возрастание качественных и количественных проявлений семейных конфликтов. Их возникновение обуславливается усилением потенциала напряженности между различными социальными акторами, взаимодействие между которыми образует семейную коммуникацию. Особенно остро семейные конфликты переживаются между супругами, а также родителями и детьми. Некоторые из этих проявлений были рассмотрены в данной статье.

Литература

Борцов Ю.С. Детерминация формирования девиантных поведенческих стратегий социальной неопределенностью: методологический подход // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11.

Борцов Ю.С. Социализация детей в нуклеарных семьях: проблемы внутрисемейной коммуникации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7.

Борцова Е.Ю. Современная молодая семья и ее социальные ценности. Ростов н/Д. : ИПО ПИ ЮФУ, 2010.

Верецагина А.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Неоматриархат в условиях кризиса патриархальной семьи: становление новой гендерной картины мира // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1.

Верецагина А.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Проблемы и риски распада молодой семьи первого года жизни с позиции ее типологической характеристики // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22, № 6.

Волков Ю.Г. В поисках субъектности идеологии гуманизма // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 4.

References

Bortsov, Y.S. (2015). Determination of formation of deviant behavioral strategies by social uncertainty: methodological approach. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 11. (in Russian).

Bortsov, Y.S. (2016). Socialization of children in nuclear families: the challenges of family communication. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 6-7. (in Russian).

Bortsova, E.Y. (2010). Modern young family and its social values. Rostov-on-Don: IPO PI SEU.

Vereschagina, A.V., Kovalev, V.V., Samygin, S.I. (2018) Neopatriarchal in the crisis of the Patriarchal family: the establishment of a new gender pattern of the world. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 1. (in Russian).

Vereschagina, A.V., Kovalev, V.V., Samygin, S.I. (2016). Problems and risks of disintegration of a young family's first year of life from the perspective of its typological characteristics. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 22, 6. (in Russian).

Volkov, Y.G. (2016). In search of subjectivity of the ideology of humanism. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 4. (in Russian).

Волков Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. М. : КноРус, 2016.

Голобородько А.Ю., Лубский А.В., Сериков А.В. Культура, идентичность и национальная безопасность России. Ростов н/Д. : ЮФУ, 2015.

Горшков М.К. Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз // Вестник Российского университета дружбы народов. Социология. 2016. Т. 16, № 4.

Ковалев В.В. Роль и значение аксиологических стереотипов для формирования устойчивости развития социальных институтов российского общества // Гуманитарий Юга России. 2015. № 1.

sian).

Volkov, Y.G. (2016). Images, ideology and humanism in contemporary Russia. M.: KnoRus.

Goloborodko, A.Y., Lubsky, A.V., Serikov, A.V. (2015) Culture, identity and national security of Russia. Rostov-on-Don: SFU.

Gorshkov, M.K. (2016). Social inequality in post-reform Russia: a sociological diagnosis. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Sotsiologiya*, 16, 4. (in Russian).

Kovalev, V.V. (2015). The Role and importance of the axiological stereotypes for the formation of the sustainable development of the social institutions of Russian society. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 1. (in Russian).

Поступила в редакцию

7 февраля 2019 г.